

17 сентября 1980 г.

152

Интервью

«Вот настоящий сюжет...»

Пятнадцатилетним стоял Афанасий Салынский у фрезерного станка. Чуть больше двадцати было ему, когда ушел он защищать Родину. В двадцать девять он написал первую свою пьесу — «Дорога парвух», на экземпляре которой — благословение Николая Федоровича Погодина: «...Вот настоящий сюжет и много таланта. Будет писать...».

— Афанасий Дмитриевич, что определило ваш выбор жанра?

— Мне до сих пор кажется, что я не определился в жанре, хотя пишу более тридцати лет. Целый ряд сюжетов задуман как повести, романы, но каждый раз по каким-то причинам я сбивался на тропу драматургии. Почему? Люблю театр. В юности, после завода, поступил в Смоленске в театральную студию, собирался стать актером...

— А «чистую», так сказать, прозу так и не писали?

— Писал. На фронте начал писать большой роман, такой большой, что он оказался мне не под силу. Был лишь юношеский азарт, не подкрепленный никаким опытом. Поэтому сорвался. До сих пор храню большие куски из того романа, к которым боюсь прикасаться. Писал очерки, раза два или три — рассказы, однажды опубликовал даже отрывок из повести, которую так и не закончил. Мечтаю когда-нибудь, если будут силы, всерьез обратиться к прозе, не бросая, конечно, драматургии.

— Скажите, пожалуйста, как за 30 лет изменилось ваше представление о назначении драматурга?

— Нисколько не изменилось, лишь укрепилось то, которое было у меня всегда.

Драматургия была и остается основой любого действия в искусстве, она занимает сегодня сильный общественный плацдарм. Это результат глобального — особенно в последние годы — наступления драматургии, как жанра. И это наступление, мне кажется, будет продолжаться и в последующие годы. Значение драматургии увеличилось, так как искусство стало массовым: много зрителей ходит в театры, кино, но даже абсолют-

ные аншлаги в театральных и кинозалах не могут сравниться с той огромной аудиторией, которую собирает телевидение.

— Ваши пьесы в каждом случае — это вымысел или конкретные, знакомые вам люди, события?

— Чаще всего — и то, и другое. Пьеса — это всегда результат мучительных размышлений над судьбой, событием. Даже если бы за каждым персонажем стоял конкретный человек, художественный вымысел необходим, он собственно в природе нашего дела. Скажем, Нила Сникко, героиня пьесы «Барабанщица»... За этим образом стоит конкретный человек, советская разведчица. Я видел ее в одном из освобожденных городов, узнал ее историю. Но без художественного вымысла, который питали многие услышанные на фронте рассказы, знания времени, людей, событий, я не смог бы написать «Барабанщицу».

Мария из одноименной пьесы — образ собирательный, равно как и Добротин из той же пьесы.

— Упомяну пьесу «Мария», вы приблизили следующий вопрос. Первым из советских драматургов вы написали так называемую «производственную» пьесу.

— Вы знаете, это довольно-таки условное название — «производственная». Ведь в сущности эта самая «производственная» пьеса — о человеке, о его чувствах, мыслях, конфликте, страстях. Но... в работе, в деле. А на работе человек проводит треть своей сознательной жизни. В труде. Ежедневно встречаясь с проблемами трудового дня и решая, преодолевая их. И я не уверен, что в труде, который является собственно смыслом человеческого существования, назначением человека на земле, в трудовом коллективе, в трудовой ежедневности, часто полной различных драматических коллизий, борьбы, преодоления, характер человека, его чувства, нрав формируются меньше и обозначаются менее ярко, чем в домашнем быту. Мне кажется, что именно в труде, в отношении че-

ловека к своему делу и выкристаллизовывается нравственный потенциал Личности. «Производственная» пьеса — это пьеса не о производстве, как ошибочно думают некоторые зрители, а о человеке в условиях производства.

— Некоторые классики и современные драматурги писали и пишут пьесы на определенных актеров и актрис. Как это происходит у вас? Когда пишете, вы видите в создаваемых образах конкретных исполнителей?

— Нет. Прежде всего думаю о характере, его стараюсь увидеть. Стараюсь увидеть живого человека. Его взгляд, манеры, походку. Стараюсь услышать его интонацию. Мне доставляет удовольствие следить за переменами в настроении своего героя... Правда, иногда в мои видения «подключаются» конкретные исполнители, и это корректирует мои представления об образе, о чертах характера персонажа.

— Вы являетесь одним из немногих драматургов, кому особенно благодарны актрисы: ваши пьесы густо населены женскими образами. Более того, именно женские роли в ваших пьесах часто являются главными.

— Да, актрисы много страдают от невнимания к ним некоторых драматургов. Это несправедливое невнимание. Каждая актриса хочет получить роль, в которой она могла бы рассказать о женщине, ее судьбе, любви, боли, радости. Женщина — это и мать, и любимая, и производственник, и общественный деятель... Она заслуживает большего внимания и прозаиков, и драматургов, и поэтов.

— Афанасий Дмитриевич, что вам дорого в вашем деле?

— Дорого само искусство. Дорог и процесс работы. Всегда радостным бывает пребывание на репетициях, когда видишь, как оживают созданные твоим воображением образы.

Я часто думаю о режиссерской трактовке и мысленно слагаю свой спектакль. Но случается, что наши с режиссером видения не совпадают, и это огорчает. Абсолютными совпадениями, принесшими мне огромную ра-

дость, назвал бы «Барабанщицу» в Центральном театре Советской Армии и относительно недавнюю постановку этой же пьесы в Центральном детском театре, «Долгожданного» и «Марию» в театре имени Вл. Маяковского. Можно было бы назвать и многие постановки в других городах.

— А что, напротив, заботит, беспокоит вас в сегодняшнем дне драматургии?

— Некоторое измельчение в пьесах человеческих характеров, судеб, конфликтов. Снижение общественного звучания конфликта.

Я ничуть не против так называемых бытовых пьес, но беспокоит невысокое представление некоторых драматургов о задачах драматургии для всех.

— Ваш сегодняшний день? Что репетируется в театре?

— В театре имени Вл. Маяковского Андрей Александрович Гончаров репетирует мою новую пьесу «Молва», которая занимает очень серьезное место в том, что делал в последние годы, и которая была для меня пьесой в большой степени решающей. От результатов этого последнего опыта многое определится в будущей моей работе.

— Нельзя ли подробнее о пьесе?

— В ней поставлена важная, волнующая многих людей проблема — о высокой цели нашей борьбы за будущее и тех средствах, которыми эта борьба должна вестись. С большим волнением жду премьеру.

— И последний вопрос, Афанасий Дмитриевич. Обернитесь на прошитое, сделанное в жизни...

— Думаю, что мало сделал, меньше, чем мог бы... Много замыслов, которые теснят, не дают спокойно жить. Хочу в будущие годы более целеустремленно трудиться в драматургии. Хотел бы вплотную обратиться к прозе. ...А жизнь, 60 лет... Мне кажется, что пролетели они очень быстро... Как будто вчера написал первую пьесу и получил благословение Николая Федоровича Погодина.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.